

ПЕРСУАЗИВНЫЕ СТРАТЕГИИ, ТАКТИКИ И ПРИЕМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ СУДЬИ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО РОМАНА И. МАКЬЮЭНА «ЗАКОН О ДЕТЯХ»)

И.Ю. Рябова

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия

В статье рассматриваются стратегии, тактики и приемы речевого воздействия с точки зрения их лингвопрагматического потенциала осуществлять функцию убеждения. Речевой портрет судьи формируется на стыке художественной картины мира и формализованной процедуры судопроизводства посредством интеграции единиц художественного текста и языковых маркеров юридического дискурса. Ключевая стратегия эмансипационной деятельности судьи в романе И. Макьюэна «Закон о детях» – убеждение (персуазивность). В рамках двух субстратегий (кооперации и давления) выявлены различные тактики речевого воздействия: тактика собственной дискредитации, тактика похвалы, тактика апелляции к интересам подопечного, а также тактика допроса, тактика самопрезентации авторитета, тактика авторитарного принятия решения, тактика дискредитации религии. Каждая тактика находит отражение в определенном репертуаре языковых средств, стилистических приемов (эмфатические модели, императивно-вопросительные структуры, условно-сослагательные конструкции и др.) и психолингвистических приемов (создание «мы-группы», формирование «я-контекста»). В ходе исследования выявлена значимость указанных стратегий, тактик и приемов речевого воздействия в моделировании образа судьи.

Ключевые слова: гибридный художественно-правовой дискурс, трансфер юридического знания в художественный нарратив, персуазивность, стратегия речевого воздействия, субстратегия речевого воздействия, тактика речевого воздействия, прием речевого воздействия, лингвопрагматический потенциал.

Введение

Материалом исследования является остросоциальный роман британского писателя И. Макьюэна «Закон о детях» [18], в котором при создании событийно-сюжетного плана произведения использовались материалы реальной судебной практики. Тематическим ядром романа являются морально-этические вопросы семейного права, этико-религиозные разногласия между представителями разных конфессий и персонифицированные морально-психологические искания судьи Фионы Мей, касающиеся вопросов права, личности и общества, воспитания детей, жизни, смерти, моральной и физической свободы. Интеграция единиц художественного текста и языковых маркеров юридического дискурса, репрезентирующих особенности правовой этики, стилевые нормы судебного речевого общения, причастные к судебному речевому знанию, создают гибридный формат дискурса, в котором язык становится инструментом власти и социального воздействия.

Ключевой концепт произведения – эмансипация, осуществляемая в широком смысле в процессе реализации права человека на свободу и независимость. В рассматриваемом романе данная категория находит выражение в различных аспектах социальной и семейной жизни: эмансипация женщин в их желании участвовать в общественной

жизни наряду с мужчинами, получать образование, заниматься профессиональной карьерой; эмансипация мужчин в их стремлении получить право воспитывать ребенка без участия матерей; эмансипация несовершеннолетних подростков, желающих до достижения совершеннолетия самостоятельно принимать жизненно важные решения. Под эмансипацией понимается не только освобождение от злого влияния, подчинение исключительно установленным правилам и законам, выход из-под влияния родителей, но также защита со стороны иного лица, действующего на основании этих законов: «*There, in court, with the authority and dignity of her position, she offered him, instead of death, all of life and love that lay ahead of him. And protection against his religion...*» [18, с. 212]. В фокусе внимания в рамках настоящей статьи находится эмансипационная деятельность судьи Фионы Мей, направленная на освобождение подростка Адама Генри от религиозных верований его семьи. Среди направлений ее деятельности следует выделить несколько этапов: заработать доверие подростка, убедить в ошибочности принимаемого решения, продемонстрировать другую сторону жизни, вынести окончательное судебное решение. Поставленные перед ней задачи осуществляются в рамках определенного коммуникативного регистра посредством конкретных речевых стратегий,

тактик и приемов воздействия на реципиента, которые в художественно-правовом дискурсе позволяют выявить особенности поведенческой модели судьбы, отражающей ее профессионально-значимые качества. Трансфер знания, маркирующего особенности речевого воздействия, представляет собой перенос знания о частных характеристиках свободного речетворчества и судоговорения, применяемых в реальном судебном процессе, в художественный нарратив с целью моделирования образа судьбы-эмансипатора, выявления ее функций и полномочий, продиктованных судебным процессом, но при этом интегрированных в персонифицированную концепцию поведения, в основе которой лежит идея освобождения подростка от внешних вредоносных влияний.

Постановка проблемы и методология исследования

В нашем исследовании художественно-правовой гибридный дискурс рассматривается как когнитивно-дискурсивное и речевое образование, построенное на интеграции концептов и языковых маркеров юридической сферы и художественного нарратива с целью изучения лингвопрагматического механизма речевого взаимодействия персонажей. Предмет исследования – речевые стратегии, тактики и приемы персуазивного (убеждающего) воздействия, участвующие в формировании и концептуализации категории «эмансипация». Актуальность изучения гибридного дискурса связана с когнитивными технологиями трансляции знания от «известного к неизвестному» как стратегией обмена информацией между различными «профессиональными сообществами» [4, 7–8; 13, с. 43]. По мысли исследователей, «взаимопроникновение и интеграция характеристик тех или иных типов дискурса порождает *качественно новый формат дискурса*, не сводимый к сумме его составляющих» [11, 16], где под дискурсом (в том числе гибридным) понимается система смыслов, сформированная «совокупностью средств их речевого выражения и синергично мобилизующая функциональный потенциал на пути к аттрактору (коммуникативной цели, содержанию-намерению автора)» [10, с. 23–24]. Целью исследования становится выявление значимости изучения речевого взаимодействия персонажей в теории трансфера юридического знания в художественный нарратив и ставится вопрос о роли речевых стратегий и тактик в организации смысловой системы гибридного дискурса, ее эволюции и модификации, репрезентирующей категорию «эмансипация». Методы исследования, которые использовались для достижения поставленных задач, включают структурно-семантический метод, метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки, концептуальный анализ. Структурно-семантический метод в теории трансфера знания позволяет проследить изменения значений внутри синтаксических еди-

ниц (в частности сентенционального знака) в связи со структурно-синтаксической организацией предложения и в рамках семасиологического направления, включающего такие частные методики исследования, как компонентный и дефиниционный анализ слова. Метод контекстуального анализа также находит применение в настоящем исследовании, так как функционально-семантическая специфика единиц гибридного дискурса исследуется в тесной связи с конситуацией языковой единицы и в теории трансфера знания способствует выявлению новых смыслов. Метод сплошной выборки позволяет выявить лексические единицы разного уровня, репрезентирующие категорию «эмансипация» в пространстве художественно-правового дискурса. Концептуальный анализ призван обобщить результаты проведенных наблюдений с точки зрения различных аспектов (структурно-синтаксическая организация высказывания, лексико-семантический аспект, прагма-функциональный потенциал высказывания) и завершить задачи описания не только используемых речевых стратегий, тактик и приемов персуазивного воздействия, но и сформулировать положения о возможных изменениях в структуре концепта «эмансипация», созданной в пространстве художественного нарратива.

Стратегии, тактики и приемы речевого воздействия исследуются в работе с позиции их лингвопрагматического потенциала осуществлять одну из функций языка – убеждение. При этом под персуазивностью мы понимаем способность языковых единиц различного уровня оказывать влияние на ментальный мир реципиента. По словам Дж. Малхолланда, американского активиста за гражданские права и свободы, «... language can influence thought itself, and can also be used to offer opinions, state facts, suggest attitudes, create moods, attack or defend views, and so on, any of which could be persuasively used for some purpose [19, с. 15]». Следует отметить, что в сферу речевого воздействия включается не только «воздействие на человека при помощи речи с целью побудить его сознательно принять нашу точку зрения» [12, с. 66], но и «передача знаний от одного участника к другому» [2, с. 11], при котором «вводятся новые знания и модифицируются уже имеющиеся» [2, с. 12]. Речевое воздействие (вернее, взаимодействие) есть двусторонний процесс, состоящий из речевой регуляции со стороны говорящего и изменения состояний слушающего. Как отмечают Т.А. ван Дейк и У. Кинч, стратегии представляют собой «фундаментальный компонент нашей когнитивной способности осуществлять речевые акты» [20, с. 49] и «имеют отношение к «выбору», позволяющему человеку достичь целей взаимодействия» [3, с. 272]. Отметим, что мы разграничиваем понятия «коммуникативная стратегия» и «речевая стратегия» с той точки зрения, что речевая стратегия предполагает использование исключительно вербального инструментария. Речевая стратегия – сверхзадача

поэтапного планирования достижения поставленной цели через непосредственное речевое воздействие. Выявление единой речевой стратегии предполагает выявление нескольких разнонаправленных субстратегий как реализацию отдельных этапов речевого воздействия. Тактику следует определить как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии», или как «некое речевое действие, направленное на решение одной задачи в рамках одной стратегической цели» [6, с. 110; 9, с. 14]. В то время как стратегия реализуется с помощью одной или нескольких тактик, тактика, в свою очередь, «обретает свою форму с помощью приема» [9, с. 14]. Под лингвопрагматическим потенциалом вербального общения понимается функциональная нагрузка языковых средств.

Являясь подвидом делового дискурса, юридический дискурс статусно ориентирован. Он представляет собой речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов. По замечаниям В.И. Карасика, «признак социального статуса является одним из компонентов прагматического значения наряду с признаками оценки, модальности, эмоциональности, стилистического регистра и др.» [7, с. 5]. С этой точки зрения мы можем говорить о существовании некоторого коммуникативного регистра судьи («restricted language»), маркированного статусной позицией и выполняющего персуазивную функцию и реализуемого в определенном репертуаре языковых средств и приемов речевого взаимодействия. По мнению Дж. Ферса, «restricted languages – limited types of a major language, ... contextually situated, ... characterized by special (or micro) glossaries, grammars and styles...» [15, с. 98]. Кроме того, «they [restricted languages] also operate on discourse level, in discourse analysis and stylistics: the separation of the study of grammatical relations from the study of the patterns and designs of words, sentences and the longer elements of discourse which is properly called discourse analysis or stylistics, also helps in the characterization of such restricted languages» [16, с. 125; 17, с. 12]. Как вариант языка, употребляемый в определенной сфере деятельности, характеризующийся собственным лексикограмматическим наполнением, коммуникативный регистр речи судьи Мей в исследовании гибридного художественно-правового дискурса призван объективировать корреляционные связи между двумя реалиями: художественная картина мира и гражданское судопроизводство по семейным делам. Вслед за Г.А. Золотовой, Н.К. Онипенко и М.Ю. Сидоровой мы выделяем возможность существования пяти коммуникативных регистров: репродуктивный, информативный, генеритивный – при монологах речи; волюнтивный и реактивный – в диалогической речи персонажей [5, с. 398–407].

С позиции выявленных регистров судья Фиона Мей как эмансипатор в судебном процессе может играть следующие роли: 1) судья-человек, способный делиться собственным опытом; 2) судья-информатор, доводящий до сведения подопечных важную информацию; 3) судья-знарок, апеллирующий к важным фактам о судебных делах; 4) судья-командир, эксплицирующий открытые волеизъявления; 5) судья-реципиент, выполняющий роль адресата.

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что коммуникативный регистр речи судьи Фионы Мей представляет собой динамический аспект ее речетворчества, характеризующийся механизмами статусно-ролевого регулирования, различными формами речевого воздействия (диалог и монолог), определенным репертуаром языковых средств, призванных осуществить реализацию персуазивных речевых стратегий и тактик.

Реализация персуазивных стратегий, тактик и приемов речевого воздействия в коммуникативном регистре речи судьи

К основным стратегиям персуазивного воздействия в романе И. Макьюэна «Закон о детях» мы относим субстратегию кооперации с целью установления контакта, сбора информации о личной жизни реципиента, высказывания собственного мнения, выражения похвалы и др. Второй этап реализации стратегии персуазивного воздействия сводится к субстратегии давления как способу переубеждения посредством апелляции к чувствам, неблагоприятным последствиям, вере. Предпосылкой освободительного движения подростков от влияния родителей становится собственный опыт судьи Фионы Мей. В молодости она имела обычное приезд в гости к тете: «... *The house was pleasingly chaotic, a liberation from her mother's airless polished domain in Finchley... Her emancipation had much to do with the fact that her visits were infrequent and never longer than three weeks. If she stayed longer... She might have married Keith, the lead singer and harmonica player with a withered arm whom she shyly adored... This was an encounter with risk and riotous fun she was never to experience again, and it remained inseparable from the idea of Newcastle... It could not have been replicated in London, the seat of her professional ambitions...*» [18, с. 146–147]. Эмансипация судьи-подростка в контексте неразрывно связана с приятным беспорядком в доме, мятежной и рискованной веселой жизнью, замужеством с любимым человеком. В персонифицированной концепции поведения судьи Мей важное место занимает ценностная составляющая воспитания детей, тот результат, который должен быть достигнут силами родителей и судьи. В рассмотрении судебного дела о форме образования для двух девочек она перечислила некоторые важные составляющие, цели, к которым может быть направлено воспитание ребенка: «... *She listed*

*some relevant ingredients, goals towards which a child might grow. Economic and moral freedom, virtue, compassion and altruism, satisfying work through engagement with demanding tasks, a flourishing network of personal relationships, earning the esteem of others, pursuing larger meanings to one's existence, and having at the centre of one's life one or a small number of significant relations defined above all by love» [18, с. 15]. Таким образом, результатом эмансипации должна стать «экономическая и нравственная свобода» и «работа, приносящая удовлетворение через решение серьезных задач». Важность свободы, по мнению судьи, заключается в возможности двигаться вперед. Исследуя семантику слова *freedom*, необходимо заключить, что нравственная и моральная свобода ребенка выражается в отсутствии не только нежелательного внешнего воздействия, но и душевного спокойствия, разного рода болевых ощущений.*

Значимость субстратегии кооперации проявляется в сокращении дистанции и интимизации пространства. Данная субстратегия находит выражение в нескольких тактиках речевого воздействия, например, тактике собственной дискредитации: «*Then she added, "But it's not always. There can be group delusions. People who don't know each other can be gripped by the same idea. That certainly happens in courts of law"...* "Some years ago in this country children were taken away from their parents by the authorities, and the parents were prosecuted for what was called satanic abuse... Everyone piled in against the parents. Police, social workers, prosecutors, newspapers, even judges. But it turned out there was nothing. No secret rituals, no Satan, no abuse... Eventually, everyone came to their senses and was very ashamed..."» [18, с. 100–101]. В качестве основного психолингвистического приема, обладающего высоким прагма-функциональным потенциалом и иллюкутивной силой, становится создание «мы-группы». Судья Фиона Мей презентует себя как человека, способного, как и все другие судьи, допускать ошибки. Концепт «всеобщее заблуждение» (*group delusion*) включает понятия, репрезентированные языковыми маркерами юридического дискурса – *satanic abuse, prosecute, court of law*, а также единицами художественного текста, создающими ассоциативно нагруженный образ судебного разбирательства, – *gripped, ashamed, pile in*. Исходя из семантики деривата *delude* – *mislead the mind or judgment, lead astray in belief, deceive* и из ситуационного контекста, Фиона Мей апеллирует к роли родителей как соучастников заблуждения, противопоставляя судебным органам иную «мы-группу». Цель эмансипационной деятельности судьи – избавление подростка от жестокого обращения родителей, номинация которого имеет не-прямое название в контексте (*for what was called satanic abuse*). Выбранная судьей речевая тактика, выполняющая информативную функцию, представленная в приеме создания «мы-

группы», в расширенном контексте рекуррентна: барристер в суде, доктор, лечащий Адама, и судья Фиона Мей едины и в судебном процессе: «*Berner and Carter appeared to be colluding in the grisly facts for the benefit of the parents. It was a reasonable line of approach and Fiona didn't intervene. Carter said slowly, "It will be distressing... Renal failure is a possibility. Some patients lose their sight. Or he may suffer a stroke, with any number of neurological consequences. Cases differ. The only sure thing is that it would be a horrible death"*» [18, с. 67]. С помощью выбранного приема речевого воздействия в рамках тактики собственной дискредитации в художественный нарратив транслируется знание о формировании единой позиции представителей судебной власти как необходимым условием в процессе освобождения людей от вредного влияния окружающих. Отметим, что такие качества монологизированной речи судьи как информативность, образность, интенсивность, экспрессивность, институциональность становятся маркерами информативного коммуникативного регистра речи.

Адам Генри в глазах представителей судебной власти – человек исключительной умственной проницательности: «*His manner, his humour, had an element of the silliness that can accompany high intelligence. And it was self-protective. He was surely very frightened. It was time to talk him down*» [18, с. 105]. Тактики похвалы, апелляции к интересам подопечного, мнению родных и близких помимо установления контакта направлены на переключение внимания подростка на положительные эмоции: «*When Fiona was back in her chair she didn't return to her intended question. Instead she nodded towards the sheets of paper among the debris on the bed. 'I hear you've been writing poetry'. She had expected him to reject the prompt as intrusive or condescending, but he seemed relieved to be diverted and she thought his manner was sincere, completely undefended. She also noted how quickly his mood shifted*» [18, с. 107]. После прочтения Адамом одного из его стихов Фиона Мей выражает восхищение в контексте: «*'That would be marvelous. You may have future as a poet'. He saw through this and smiled. 'What do your parents think of your poems?' – 'My mum loves them, my dad thinks they are okay but they use up the strength I need to get better... He had such a hunger in his look, such longing for her approval that she hesitated. Then she said, 'I think it shows a touch, a very small touch, mind, of real poetic genius'... 'The shape, the form of it, and those two short lines balancing things out, you're low then you're saved, the second overcoming the first, I liked that. And I liked the blacksmith's strokes... 'And it is very condensed, the way some of the best short poems are'... 'I suppose it's telling us that out of diversity, out of a terrible time, something good can come. Isn't that right?'» [18, с. 110–111]. В качестве стилистических приемов речевого воздействия выступают эмфатические модели предложений, включающие*

перечисление, анафорический повтор, парцелляцию, экспрессивно-оценочные атрибуты (*marvelous, real poetic genius, the best short poems*), сравнение (*the way some of the best short poems are*). Особой аргументированностью обладают предложения со структурами *I think, I suppose*. Перечисленные приемы речевого воздействия становятся эффективным методом влияния, способом освобождения подростка от негативных эмоций и транслируют информацию о человеческой составляющей в персонализированной модели поведения судьи – желании узнать о личной жизни подопечного. Создание в данном отрывке «я-контекста» как психолингвистического приема речевого воздействия тесно связано с реализацией репродуктивного коммуникативного регистра речи через представление субъекта, который находится в локусе описываемого им события; судья констатирует лишь только то, что непосредственно видит, слышит или чувствует. Следует отметить, что концепты «семья», «здоровье», «жизнь» обладают «аргументативным зарядом» и являются частотными ценностными доминантами в судебном дискурсе.

Наряду с субстратегией кооперации, маркирующей первый этап персуазивности речевого воздействия, – установление контакта, магистральной в романе становится субстратегия давления, которая находит выражение в ряде тактик. Тактику допроса, нашедшую отражение в приеме императивно-вопросительных конструкций, проследим в следующем контексте: «*“Why exactly won't you have a blood transfusion?” – “Because it's wrong” – “Go on.” – “And God has told us it's wrong.” – “Why is it wrong? – “Why is anything wrong? Because we know it. Torture, murder, lying, stealing...”*» [18, с. 113]. Согласно словарю АБВУ Lingvo 6, следует заметить, что *exactly* в вопросах эксплицирует неодобрение: *you use exactly with a question to show that you disapprove of what the person you are talking to is doing or saying* [14]. Судья Мей движет искреннее желание узнать правду о причине отказа подростка от переливания крови, которое репрезентируется в речи посредством открытого волеизъявления и настойчивого вопроса «why?». Используемые речевые приемы в ходе «допроса» транслируют стереотипное представление о формализованных процедурах, используемых представителями судебной власти вне судебного коридора, однако не лишены собственной пейоративной оценки происходящего.

При помощи тактики самопрезентации авторитета судья Мей дает понять подростку, что окончательное решение будет принадлежать ей: «*Fiona was attentive, she held the boy's gaze, nodded occasionally, and when at last there was a natural pause, she stood and said, ‘Just to be clear, Adam. You do realize that it's for me alone to decide what's in your best interests. If I were to rule that the hospital may legally transfuse you against your wishes, what will you think?’... ‘I'd think My Lady was an inter-*

fering busybody’...» [18, с. 114]. Такие речевые стилистические приемы как условно-сослагательные конструкции, помогающие взглянуть на ситуацию с позиций здравого смысла [8, с. 118], имплицитное воззвание к разуму (*you do realize*), эмфатическая конструкция (*it's for me alone to decide*), апелляция к мыслительной деятельности (*what would you think*) сосуществуют в контексте с целью модификации характера эмансипационной деятельности судьи. Лексико-семантический компонент, представленный выражением *may legally transfuse* и словами *realize* и *think*, приобретает немаловажное значение в реализации тактики речевого воздействия. В слове *realize* присутствует сема полного понимания того, что авторитет судьи в глазах подростка неоспорим: *become fully aware of (something) as a fact* [14], таким образом, у Адама нет иного выхода, как подчиниться. Глагол *think*, наоборот, употребляется с целью «смягчения» требования: *think – used in speech to reduce the force of a statement, or to politely suggest or refuse something* [14]. С позиции волеизъявителя судья Мей становится в позицию реципиента, желающего услышать мнение подростка, но при этом апеллирует к законности принятого ей решения. Надо заметить, что продуктивность выбранной ею тактики «высвечивается» в реакции подростка – шутливым «*interfering busybody*».

Последние две иллюстрации становятся ярким примером реактивно-волеизъявительного коммуникативного регистра речи судьи.

В процессе коммуникативного воздействия у представителей судебной власти в романе частотной становится тактика дискредитации религии: «*‘His views are those of his parents. They are not his own. His objection to being transfused is based on the doctrines of a religious cult for which he may well become a pointless martyr’*» [18, с. 68]. Главной составляющей эмансипационной деятельности судьи, барристера и других сторонников судебного процесса становится убежденность в тщетности и ненужности подобного поклонения религиозному культу: «*The lad was clever and articulate, but still very young. ‘A child shouldn't go killing himself for the sake of religion’*» [18, с. 82–83]. Критическая оценка происходящего заключена в слове *pointless*: *if you say that something is pointless, you are criticizing it because it has no sense* [14]. Экспрессивность сказанному придает стилистический прием оксюморона «*he may well become a pointless martyr*» как для создания парадоксального эффекта, так и для усиления критической оценки.

Ярким примером генетивного коммуникативного регистра в вербальном взаимодействии с подопечным становится тактика авторитарного принятия решения судьи, представляющая собой результат ее личных обобщений и умозаключений: «*“He is without doubt an exceptional child...He possesses exceptional insight for a seventeen year old.” ...“However, I am not ultimately influenced by*

whether he has or doesn't have a full comprehension of his situation. I am guided instead by the decision of Mr. Justice Ward, as he then was, in Re E (a minor), a judgment also concerning a Jehovah's Witness teenager... "That observation was crystallized in the clear injunction of the Children Act of 1989..." [18, с. 121]. Посредством слова *crystallize* возникает ассоциативный образ процесса принятия решения, в котором юридическая сила прецедента при рассмотрении похожих судебных дел не вызывает сомнения. Таким же твердым является решение судьи, основанное не на факте понимания подростком его ситуации, а на авторитетном мнении судьи Уорда «в бытность его на этом посту»: *crystallize – become fixed and definite in someone's mind* [14]. Лексические повторы «*exceptional child*», «*exceptional insight*» эксплицируют ее положительное мнение о подростке, его уме и будущих перспективах. Окончателюность решения судьи Мей транслирует оборот «*ultimately influenced*». Проследим продолжение речи судьи Мей при вынесении судебного решения: «*I take 'welfare' to encompass 'well-being' and 'interests.' I'm also bound to take into account Adam's wishes. As I've already noted, he has expressed them clearly to me, as has his father to this court... That he is prepared to die for his religious beliefs demonstrates how deep they are. That his parents are prepared to sacrifice a dearly loved child for their faith reveals the power of the creed to which Jehovah's Witnesses adhere. 'Again she stopped and the public gallery waited. 'It is precisely this power that gives me pause, for Adam, at seventeen, has sampled little else in the turbulent realm of religious and philosophical ideas... I do not believe that Adam's mind, his opinions, are entirely his own... He must be protected from such a decision. He must be protected from his religion and from himself... In my judgment, his life is more precious than his dignity. 'Consequently, I overrule the wishes of Adam and his parents...'* [18, с. 122–123]. Пассивная конструкция (*be prepared for*) и эмфатическая модель придаточного предложения (*how deep they are*) выражают жизненную позицию родителей и Адама, в основе которой лежит слепое следование религиозным убеждениям. Адъективированный оборот речи (*turbulent realm of religious and philosophical ideas*) из уст судьи Мей репрезентирует неустойчивость религиозных и философских воззрений в жизни человека, которые изменяются с течением времени или изначально не создают твердую основу для спокойной жизни: *turbulent – characterized by conflict, disorder, or confusion; not stable or calm* [14]. Как следствие, основная цель эмансипации подростка, репрезентированная открытым волеизъявлением (*he must be protected*), – защита от подобных «турбулентных» заблуждений, навязанных религией его родителей, главным результатом которой становится сохранение жизни подростка. Синтаксический прием параллелизма совместно с антитезой (*protect from*

religion – protect from himself) эксплицируют размышления судьи Мей, которые в произведении динамичны.

Помимо проиллюстрированных примеров, в романе выявлены и иные персуазивные тактики и приемы речевого воздействия – тактика консолидации, тактика уточнения, тактика признания, тактика предложения совместного действия и др. в рамках субстратегии кооперации; а также тактика апелляции к чувствам подопечного, тактика интимидации (устрашения), тактика апелляции к вере и др. в процессе реализации субстратегии давления.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, подчеркнем, что речевое взаимодействие персонажей в художественно-правовом дискурсе становится одним из аспектов речевого портрета героя и вносит смыслообразующие оттенки в его целостный образ. В гибридном дискурсе, на стыке художественной картины мира и реальной судебной практики, становится возможным обнаружить и проанализировать личностные и профессиональные характеристики персонажа, его ценностную парадигму, описать особенности персонифицированной модели поведения, которые находят отражение в судоговорении и повседневном коммуникативном поведении через стратегии, тактики и приемы речевого взаимодействия. Используемый лексико-семантический компонент высказывания и его структурно-синтаксическая организация в рамках приема речевого воздействия могут содержать как эксплицитные, так и имплицитные характеристики; в создании речевого портрета участвуют единицы всех языковых уровней, своим взаимодействием закрепляя и усиливая полученный эффект.

Среди персуазивных стратегий, тактик и приемов речевого воздействия нами были проиллюстрированы несколько тактик в процессе реализации двух субстратегий, что дает возможность прийти к умозаключению о существовании «полирегистровой структуры речи» судьи [1, с. 302], подчиненной целевой аудитории, статусно-ролевым нормам общения, профессиональным полномочиям в судебном процессе. Своего рода «монтаж» коммуникативных регистров речи судьи варьируется от информативно-репродуктивного и генетивного до реактивно-волеитивного с маркированными конституацией стилистическими и психолингвистическими приемами. Использование эмфатических моделей предложения, императивно-вопросительных конструкций, анафорических повторов, приема синтаксического параллелизма, парцелляции, сравнительных, адъективированных и метафорических оборотов усиливают экспрессивность речи судьи. Создание «мы-группы» манифестирует принцип кооперации и консолидации с другими представителями судебной власти. Апелляция к мыслительной деятельности через лексико-семан-

тический компонент высказывания, использование условно-сослагательных конструкций, обращение по имени к своему подопечному, похвала и эмоционально-окрашенная лексика создают образ не только судьи-человека, но и стратега-эмансипатора, имеющего в своем арсенале различные техники влияния на психологическое состояние и ментальный мир подростка.

В формировании категории «эмансипация» в художественно-правовом дискурсе речевая деятельность судьи становится вербальным механизмом осуществления власти. Непосредственно в судебном процессе эта функция языка неоспорима. В художественной картине мира читатель становится наблюдателем того, как непосредственно язык обыденного нейтрального разговора в некоторых контекстах является примером того, как референциальный компонент уходит на задний план, а эмотивные компоненты активно эксплуатируются судьей с целью переубеждения подростка.

Заключение

В судовом разговоре и свободном речетворчестве представителя правовой сферы активно используются когнитивные, психологические, социальные и собственно речевые стратегии, тактики и приемы переубеждения, маркированные высоким лингвопрагматическим потенциалом. К основным конституирующим признакам речевого механизма воздействия в рамках выделенных стратегий, тактик и приемов речевого воздействия следует отнести когнитивную природу коммуникации, обусловленность целями и намерениями судебной власти, ситуативный контекст, характеристики участников общения и прагма-семантическую нагрузку дискурса. Созданный в романе речевой портрет судьи в аспекте персуазивного речевого механизма воздействия на участников судебного процесса построен на взаимовлиянии стилистики художественного текста и ораторского мастерства судебного деятеля.

Литература

1. Бабенко, Л.Г. *Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учеб. для вузов / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая кн., 2004. – 464 с.*
2. Баранов, А.Н. *Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / А.Н. Баранов. – М., 1990. – 48 с.*
3. Ван Дейк, Т.А. *Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк. – Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.*

Рябова Ирина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра русского, иностранных языков и культуры речи, Уральский государственный юридический университет (Екатеринбург), i.y.ryabova_3012@mail.ru

4. Демьянков, В.З. *Трансфер знаний и когнитивная манипуляция / В.З. Демьянков // Вопросы когнитив. лингвистики. – 2017. – № 4. – С. 5–13.*

5. Золотова, Г.А. *Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М., 2004. – 544 с.*

6. Иссерс, О.И. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.И. Иссерс. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.*

7. Карасик, В.И. *Язык социального статуса / В.И. Карасик. – М.: ИТДТК «Гнозис», 2002. – 333 с.*

8. Климович, О.В. *Языковая личность адвоката в контексте юридического дискурса (на материале речей С.А. Андриевского и Н.П. Карабчевского): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О.В. Климович. – Уфа, 2016. – 213 с.*

9. Попова, Е.С. *Рекламный текст и проблем манипуляции: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Е.С. Попова. – Екатеринбург, 2005. – 27 с.*

10. Радюк, А.В. *Кооперативные речевые стратегии и тактики в английском деловом дискурсе: моногр. / А.В. Радюк. – М.: РУДН, 2016. – 163 с.*

11. Солопова, О.А. *Гибридные форматы дискурса: проблемы классификации / О.А. Солопова, К.А. Наумова // Филол. класс. – 2018. – № 4 (54). – С. 15–21.*

12. Стернин, И.А. *Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 227 с.*

13. Феценко, В.В. *Концептуализация в гуманитарном знании и в искусстве: маршруты трансфера / В.В. Феценко // Вопросы когнитив. лингвистики. – 2016. – № 1. – С. 43–54.*

14. *ABBYY Lingvo 6, Oxford Dictionary, Collins Cobuild. – <https://www.lingvo.ru/multi/>.*

15. Firth, J.R. *Descriptive linguistics and the study of English / J.R. Firth // Selected papers of J.R. Firth (1952–59) / ed. by F.R. Palmer. – London and Bloomington: Longman and Indiana University Press. – P. 96–113.*

16. Firth, J.R. *A new approach to grammar / J.R. Firth // Selected papers of J.R. Firth (1952–59) / ed. by F.R. Palmer. – London and Bloomington: Longman and Indiana University Press. – P. 114–125.*

17. Léon, J. *From Linguistic Events and Restricted Languages to Registers. Firthian legacy and Corpus Linguistics / J. Léon // Henry Sweet Society Bulletin. – 2007. – Iss. 49. – P. 5–25.*

18. Mcewan, I. *The Children Act / I. Mcewan. – London: Vintage books, 2014.*

19. Mulholland, J. *Handbook of Persuasive Tactics. A practical language guide / J. Mulholland. – London and New York, 2005. – 434 p.*

20. Van Dijk T.A., Kintsch W. *Strategies of Discourse Comprehension / T.A. van Dijk, W. Kintsch. – New York: Academic Press, 1983. – 418 p.*

Поступила в редакцию 11 марта 2021 г.

PERSUASIVE STRATEGIES, TACTICS AND TECHNIQUES OF LINGUISTIC MANIPULATION OF JUDGE IN A LITERARY-LEGAL DISCOURSE (BASED ON THE ENGLISH NOVEL "THE CHILDREN ACT" BY I. MCEWAN)

I.Y. Ryabova, *i.y.ryabova_3012@mail.ru*
Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation

The article examines the strategies, tactics and techniques of linguistic manipulation from the viewpoint of their linguistic and pragmatic potential to perform the function of persuasion. The speech portrait of a judge is formed at the junction of the literary worldview and the formalized procedure of legal proceedings by integrating the units of the literary text and the linguistic markers of legal discourse. The key strategy of the judge's emancipation activity in the novel "The Children Act" by I. McEwan is persuasion (persuasiveness). Within two substrategies (cooperation and pressure), different tactics of linguistic manipulation are identified: the tactic of self-discrediting, the tactic of praise, the tactic of appeal to the interests of the ward; as well as the tactic of interrogation, the tactic of self-presentation of authority, the tactic of authoritarian decision-making, the tactic of discrediting religion. Each tactic is reflected in a certain repertoire of linguistic means, stylistic techniques (emphatic models, imperative-interrogative structures, conditional-subjunctive constructions, etc.), psycholinguistic techniques (creation of "we-group", formation of "I-context"). The study reveals the significance of these strategies, tactics and techniques of linguistic manipulation in modeling the image of the judge.

Keywords: hybrid literary and legal discourse, transfer of legal knowledge into literary narrative, persuasiveness, strategy of linguistic manipulation, substrategy of linguistic manipulation, tactic of linguistic manipulation, technique of linguistic manipulation, linguistic-pragmatic potential.

References

1. Babenko L.G., Kazarin Ju.V. *Filologicheskij analiz teksta. Osnovy teorii, principy i aspekty analiza: Uchebnik dlja vuzov* [Philological analysis of the text. Basics of theory, principles and aspects of analysis: handbook for higher educational institutions]. Moscow, Akademicheskij proekt; Ekaterinburg, Delovaja kniga, 2004. 464 p.
2. Baranov A.N. *Lingvisticheskaja teorija argumentacii (kognitivnyj podhod): avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.01, 10.02.19* [Linguistic theory of argumentation (cognitive approach)]. Moscow, 1990. 48 p.
3. Van Dejk T.A. *Jazyk. Poznanie. Kommunikacija.* [Language. Cognition. Communication.]. Blagoveshchensk, BGK im. Bodujena de Kurtenje, 2000. 308 p.
4. Dem'jankov V.Z. *Transfer znanij i kognitivnaja manipuljacija* [Knowledge transfer and cognitive manipulation]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Cognitive linguistics issues]. 2017, no. 4, pp. 5–13.
5. Zolotova G.A., Sidorova M.Ju., Onipenko N.K. *Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, 2004. 544 p.
6. Issers O.I. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, 2008. 288 p.
7. Karasik V.I. *Jazyk social'nogo statusa* [Language of social status]. Moscow, Gnozis Publ., 2002. 333 p.
8. Klimovich O.V. *Jazykovaja lichnost' advokata v kontekste juridicheskogo diskursa (na materiale rechej S.A. Andrievskogo i N.P. Karabchevskogo): Diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01* [Language personality of advocate in the context of legal discourse]. Ufa, 2016. 213 p.
9. Popova E.S. *Reklamnyj tekst i problemy manipuljacji: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.01* [Texts of advertisements and problems of manipulation]. Ekaterinburg, 2005. 27 p.
10. Radjuk A.V. *Kooperativnye rechevyje strategii i taktiki v anglijskom delovom diskurse: monografija* [Cooperative speech strategies and tactics in the English business discourse]. Moscow, 2016. 163 p.
11. Solopova O.A., Naumova K.A. *Gibridnye formaty diskursa: problemy klassifikacii* [Hybrid formats of discourse: problems of classification]. *Filologicheskij klass* [Phylological class]. 2018, no. 4 (54), pp. 15–21.
12. Sternin I.A. *Vvedenie v rechevoe vozdejstvie* [Introduction in speech influence]. Voronezh, 2001. 227 p.
13. Feshhenko V.V. *Konceptualizacija v gumanitarnom znanii i v iskusstve: marshrutnyj transfera* [Conceptualization in humane knowledge and art]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [Cognitive linguistics issues]. 2016, no. 1, pp. 43–54.
14. *ABBY Lingvo 6, Oxford Dictionary, Collins Cobuild.* Available at: <https://www.lingvo.ru/multi/>.
15. Firth J.R. *Descriptive linguistics and the study of English. Selected papers of J.R. Firth (1952–59).* Ed. by Frank R. Palmer. London and Bloomington: Longman and Indiana University Press, 1956, pp. 96–113.

16. Firth J. R. A new approach to grammar. *Selected papers of J.R. Firth (1952–59)*. Ed. by Frank R. Palmer. London and Bloomington: Longman and Indiana University Press, 1956, pp. 114–125.
17. Léon J. From Linguistic Events and Restricted Languages to Registers. Firthian legacy and Corpus Linguistics. *Henry Sweet Society Bulletin*, 2007, iss. 49, pp. 5–25.
18. McEwan I. *The Children Act*. London: Vintage books, 2014. 216 p.
19. Mulholland J. *Handbook of Persuasive Tactics. A practical language guide*. London and New York, 2005. 434 p.
20. Van Dijk T.A., Kintsch W. *Strategies of Discourse Comprehension*. New York: Academic Press, 1983. 418 p.

Irina Y. Ryabova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian, foreign languages and speech culture, Ural State Law University (Ekaterinburg), i.y.ryabova_3012@mail.ru

Received 11 March 2021

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Рябова, И.Ю. Персуазивные стратегии, тактики и приемы речевого воздействия судьи в художественно-правовом дискурсе (на материале англоязычного романа И. Макьюэна «Закон о детях») / И.Ю. Рябова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2021. – Т. 18, № 4. – С. 25–33. DOI: 10.14529/ling210404

FOR CITATION

Ryabova I.Y. Persuasive Strategies, Tactics and Techniques of Linguistic Manipulation of Judge in a Literary-legal Discourse (Based on the English Novel “The Children Act” by I. McEwan). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2021, vol. 18, no. 4, pp. 25–33. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling210404
